

Эта книга представляет собой художественное произведение. Имена, фамилии, действующие лица, описываемые места и события являются плодом авторского воображения или используются как часть художественного произведения и не должны восприниматься как реально существующие. Любое сходство с реальными событиями, местами действия, организациями или лицами, как ныне живущими, так и усопшими, является случайным.

*Посвящается моей бабушке, ко-
торая всегда смотрела вместе со
мной старые фильмы в жанре нуар*

БЛАГОДАРНОСТИ

Спасибо Нэнси Фишер и Бет Этвуд за описание навыков мастеров боевых искусств и Шейлин Тавелле за ее энтузиазм. Огромная благодарность Элле Кек и Тессе Вудвард за постоянную поддержку.

ПРОЛОГ

Пятнадцать лет назад

Она ничего не чувствовала — как будто все ее тело накачали новокаином. Руки свисали вниз и болтались, когда он нес ее по саду, как куклу. Она видела над собой густую зеленую листву оливковых деревьев, но у нее не получалось долго держать глаза открытыми. Пара секунд — и они закрывались, и она ничего не могла с этим поделать.

Она так устала...

Она не могла четко рассмотреть его лицо — оно то появлялось, то исчезало из поля зрения, да и видела она все как в тумане. Потом она почувствовала спиной твердую поверхность: он опустил ее на землю.

«Беги!» — приказывал разум. Но тело не слушалось. Она не могла пошевелить даже мизинцем. Не двигалась ни одна мышца, словно ее полностью парализовало. Ноги и руки стали бесполезными. Она продолжала попытки, она старалась хоть как-то пошевелиться, и слезы катились у нее по лицу, потому что все ее усилия оказывались бесполезными.

Он начал что-то мурлыкать себе под нос, нежно приподнял ее голову, подложив ладонь под затылок,

потом вытащил из-под спины две ее косы и перекинул их на плечи.

От этой нежности ей стало еще страшнее, она ощутила прилив адреналина, но ноги все равно не могли реагировать так, как было нужно.

Он улыбнулся.

— Все в порядке, малыш. Ты моя хорошая! — проворковал он. Он разговаривал с ней так, как говорят со щенком. — Так будет лучше. Ты служишь цели. — Он улыбнулся еще шире. — Ты — мой урок.

Он отошел от нее, и теперь она видела только ветви деревьев, куски неба и звезды между ними.

Она подумала о том, как красивы деревья. Ее окружает такая красота! По крайней мере она здесь, среди деревьев.

Его руки сомкнулись у нее на горле, ее глаза закрылись.

И не открылись больше никогда.

ГЛАВА 1

Как только она оказалась в той части тюрьмы, где находились камеры и заключенные смогли ее видеть, слышались свист и улюлюканье.

Эбби поморщилась, внизу живота возникли неприятные ощущения. Так реагирует почти любая женщина, когда ей вслед кричат похабщину и свистят. А она в эти минуты шла по корпусу мужской тюрьмы, и это еще усиливало стресс. Эбби шагала за надзирателем по узкому тюремному коридору, ее лицо ничего не выражало, будто она натянула на него маску. Она запретила себе демонстрировать хоть какую-то реакцию, расправила плечи и смотрела строго вперед, не поворачивая головы. Камеры располагались по обеим сторонам коридора, заключенные прижимались к решеткам и вытягивали шеи, чтобы хоть мельком ее увидеть. Некоторые из них видели женщину впервые за несколько лет, может, даже десятилетий. Журналистов не часто пускали в исправительное учреждение в Пайнвуде — даже к тем заключенным, которые сидели в общих камерах, не говоря про тех, кто отбывал наказание в одиночных.

Но Эбби направлялась именно в тот отсек, где находились одиночные камеры. С той самой минуты, как

ей позвонили, она чувствовала себя комком нервов — это была смесь страха и ожидания.

Наконец он согласился с ней встретиться. Ей пришлось потратить больше года и написать по крайней мере пятьдесят писем. И она своего добилась!

Отец всегда говорил, что она целеустремленная девочка. Теперь она выросла в еще более целеустремленную женщину.

И она получит то, что хочет. То, что ей *нужно*.

— Держитесь рядом со мной, — сказал Стэн, тюремный надзиратель, за которым она шла по коридору.

Он бросил взгляд на одного из заключенных, который дубасил по решетке, когда они проходили мимо. Эбби подстроилась под шаг Стэна и фактически шла за ним след в след, дыша в спину. Она была высокой и фигуристой женщиной с мускулистыми руками. Но накачала она их не в спортзале, а таская тюки сена. Возвращение домой пять лет назад означало возвращение к своим корням — почти в буквальном смысле. Когда она приехала, отцовский сад был в запустении, миндальным деревьям срочно требовались внимание и забота. И Эбби стала заниматься садом в дополнение к заботе об отце. Он умер два года назад, зная, что сад снова цветет, а деревья плодоносят. Она надеялась, что ее отцу будет легче покинуть этот мир, видя возрожденный сад. Хотя этому суровому мужчине всегда было трудно угодить.

Когда они со Стэном дошли до конца корпуса с общими камерами, он открыл запирающуюся на засов дверь, и они оказались в еще одном коридоре. В этой части тюрьмы стояла тишина, она оглушала и казалась странной после шума в корпусе с общими камерами.

Эбби потребовалось несколько секунд, чтобы перестроиться.

— С вами все в порядке? — спросил Стэн, глядя на Эбби, шагающую теперь рядом с ним. Она заметила беспокойство в смотревших на нее из-под седых бровей глазах. — Я понимаю, что вам неприятны все те гадо-сти, которые они вам кричали.

Эбби успокаивающе улыбнулась ему.

— Переживу, — сказала она.

— Пишете новую статью? Собираете у нас для нее материал? — спросил надзиратель, открывая еще одну дверь ключом с большой связки. — Читал вашу последнюю статью — о наркомане, подсевшем на героин. Мне понравилось. Отличная работа. Вы показали, что зависимость — это болезнь и нам нужно подходить к проблеме наркотиков как к эпидемии.

— Спасибо, — поблагодарила Эбби. При других обстоятельствах она была бы очень рада тому, что его тронула ее статья, но сейчас она думала совсем о других вещах. О человеке, который отбывает заключение в этой тюрьме и у которого есть ответы на вопросы, мучающие ее уже много лет. — Мне очень приятно. Но боюсь, что не могу разглашать детали моего нынешнего задания. Я обычно не рассказываю о работе, которой занимаюсь. У меня же есть обязательства. Вы должны понимать, что я несую определенную ответственность и связана подписками о неразглашении.

Она снова улыбнулась в надежде, что надзиратель больше не станет мучить ее вопросами. Ей повезло: именно в эту минуту они остановились перед толстой стальной дверью, надпись на ней гласила: «ОДИНОЧНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ».